

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ: АНАЛИЗ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ

INTERPRETATION AS A REPRESENTATION MECHANISM: ANALYSIS OF CONTEXTUAL FACTORS

V. Chigarev
R. Guseva

Summary: The object of this study is the process of representation. The subject of the study is interpretation as a mechanism of representation in an intercultural context. The authors highlight particular nature of the intercultural understanding context and the semantic gap effects in diverse cultural contexts. While understanding culture as a context, interpretation is identified as a complex mechanism for representing or reflecting social perception of the world. The article deals with shifting issue of the traditional “subjectivity-objectivity” correlate conception, leading to a new reflection of aspects related to the social reality interpretation, representation and the problem of intersubjectivity. The methodological study basis includes both philosophical and anthropological analysis and systemic, comparative and sociocultural methods, that enable to systematize scientific concepts, adapt various analytical tools to identify the characteristics of philosophical traditions and their influence on cultural concepts, and also to consider and describe in detail the phenomenon of interpretation. The Concepts of Interpretation are closely connected with the complex of discursive problems of reality representation. Within the framework of this problematic, the study analyzes the approaches of such researchers as M. Foucault, K. Meillassoux, B. Latour, L. Mondada. The scientific novelty of the work lies in the fact that the study defines a new theoretical and methodological approach to the interpretation issue by identifying the dependencies of its mechanisms on various contexts – social or professional, political or economic. The relation to the object matter of the interpretation is not based on the distinction between “subjective” and “objective”, but comes from the distinction between diverse types of subjectivity. With such a research approach, subjectivity gains access to the intersubjective status of *consensus* within the community. The study highlights the professional discourse of the researcher, who is a subject characterized by a crisis of representation, and also examines the main structural factors that shape interpretation specific forms and analyzes the specifics of the intercultural context of understanding field and the effects of the semantic gap in various cultural contexts.

Keywords: interpretation, representation, international circulation of ideas, cultural context, discourse, description, correlate, intersubjectivity.

Чигарев Валентин Николаевич

кандидат политических наук, Российский университет
транспорта (МИИТ), Москва
valentinchigarev@gmail.com

Гусева Раиса Григорьевна

старший преподаватель, Финансовый университет при
правительстве Москвы, Москва
RGGuseva@fa.ru

Аннотация: Объектом данного исследования выступает процесс репрезентации. Предметом исследования является интерпретация как механизм репрезентации в межкультурном контексте. Авторы подробно рассматривают такие аспекты проблемы, как проблема специфики межкультурного контекста понимания и эффектов смыслового разрыва в различных культурных контекстах. Особое внимание уделяется проблеме понимания культуры как контекста, где интерпретация выступает как сложный механизм репрезентации и отражения социального восприятия мира. В статье проанализирована проблема смещения традиционного понимания коррелята «субъективность-объективность», что привело к новому осмыслению аспектов, связанных с интерпретацией социальной реальности, репрезентации и проблемы интерсубъективности. Методологическая база исследования включает как философско-антропологический анализ, так и системный, сравнительный и социокультурный методы, которые позволяют систематизировать научные концепции, адаптировать различные аналитические инструменты для выявления особенностей философских традиций и их влияния на концепции культуры, а также рассмотреть и подробно описать феномен интерпретации. Интерпретационные концепции тесно связаны и с комплексом дискурсивных проблем репрезентации реальности. В рамках этой проблематики в исследовании проанализированы подходы таких исследователей как М.Фуко, К.Мейясу, Б. Латур, Л. Мондада. Научная новизна представленной работы предопределяется тем, что в исследовании определен новый теоретико-методологический подход к проблеме интерпретации посредством выявления зависимостей ее механизмов от различных контекстов – социального или профессионального, политического или экономического. Отношение к объекту интерпретации основывается не на различии «субъективного» и «объективного», а исходит из различения разных типов субъективности. При такой исследовательской оптике субъективность получает интерсубъективный статус *консенсуса* в сообществе. В исследовании выделен профессиональный дискурс исследователя, который является субъектом, характеризующимся кризисом репрезентации, а также исследованы основные структурные факторы, формирующие специфические формы интерпретации и проанализирована специфика области межкультурного контекста понимания и эффектов смыслового разрыва в различных культурных контекстах.

Ключевые слова: интерпретация, репрезентация, международная циркуляция идей, культурный контекст, дискурс, описание, коррелят, интерсубъективность.

Введение

В современной научной литературе существует огромное количество толкований категорий «интерпретация», «репрезентация», «контекст» и «дискурс». В этом нет ничего удивительного, поскольку это объясняется тем, что перечисленные категории находятся на стыке различных научных дисциплин, а поэтому часто попадают в междисциплинарное поле исследования, связанное с определённой структурой ключевых понятий и практических установок. Актуальность нашему исследованию придает и тот факт, что смещение традиционного понимания коррелята «субъективность-объективность» привело к новому осмыслению аспектов, связанных с репрезентацией, интерпретацией социальной реальности и проблемы интерсубъективности. Эта ситуация привела к кризису репрезентации и поставила под сомнение то, как функционируют различные дискурсы.

Конечно, репрезентации являются отражением объективного мира, но при этом часто не уделяется внимание механизму этого отражения — интерпретации.

Этот сложный механизм, который изначально содержит в себе множественность реализаций, проблему трудности «межкультурного перевода» или когда-то поставленный вопрос П. Бурдьё о «международной циркуляции идей» [1], где под сомнение ставятся корректность трансформации смысловых единиц при деконтекстуализации. При этом дающая интерпретацию при помощи локально расположенных процедур *сторона* зависит от своей структуры, что и создает проблему культурного «перевода» для общего понимания «единых закономерностей».

Цель исследования – синтез теорий и концепций современной философии, социологии и социолингвистики, а также определение их методологической значимости для анализа проблемы интерпретации кризиса репрезентации в контексте меняющихся концепций дискурса исследователя.

Для достижения поставленной цели необходимо композиционно решить следующие **задачи**:

- проанализировать антропологическое измерение теории интерпретации;
- рассмотреть проблему интерпретации с точки зрения значения и контекста;
- выделить основные аргументы, которые играют ключевую роль в критике репрезентации;
- рассмотреть проблему репрезентации интерпретаций через призму теории корреляционизма;
- выделить основных акторов («посредники» и «проводники») для определения структурных изменений социального поля и идеологического пространства;

- выстроить условную типологию «разногласий» в контексте выделения свойств неопределённости восприятия социального.

Научная новизна представленной работы определяется тем, что в исследовании определен новый теоретико-методологический подход к проблеме интерпретации посредством выявления зависимостей ее механизмов от различных контекстов - социального или профессионального, политического или экономического.

Основные методы и источники

В исследовании используются как философско-антропологический анализ, так и системный, сравнительный и социокультурный методы, которые позволяют систематизировать научные концепции, адаптировать различные аналитические инструменты для выявления особенностей философских традиций и их влияния на концепции культуры, а также рассмотреть и подробно описать феномен интерпретации.

В проанализированной работе «Интерпретация культур» [2] К. Гирца прослеживается влияние теоретических концепций Т. Парсонса, М. Вебера, Л. Витгенштейна, Г. Райла, В. Дильтея, П. Рикёра, С. Лангер, К. Бёрка.

При этом культурный «перевод» и конструирование реальности нельзя рассматривать в отрыве от культурного контекста, который задает общие интерпретативные рамки. Именно с этим связан вопрос о «нащупывании общей почвы» Л. Витгенштейна или «культурной грамотности» Э.Д. Хёрша [3], а также «международной циркуляции идей» П. Бурдьё [1].

Интерпретационные концепции тесно связаны и с комплексом дискурсивных проблем репрезентации реальности. В рамках этой проблематики в исследовании проанализированы подходы таких исследователей как М.Фуко, К.Мейясу, Б. Латур, Л. Мондада.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы для проведения конкретного социологического, лингвистического и экономического анализа социальных, экономических и политических процессов, связанных с межкультурной идентичностью, а также для выявления проблемных зон.

Помимо прочего, результаты исследования следует отметить в следующем:

1. в центре внимания – профессиональный дискурс исследователя, который является субъектом, характеризующимся кризисом репрезентации;
2. исследованы основные структурные факторы, формирующие специфические формы интерпретации;
3. проанализирована специфика области межкультурного контекста понимания и эффектов смыслового разрыва в различных культурных контекстах.

Интерпретация как культурный феномен: контекст и значение

Культура относится к сфере идей, но она, тем не менее, не «модель поведения», в основе которой лежит формальная дифференциация «субъективного» или «объективного» ее «определения» в дискуссионных спорах между различными научными направлениями и стремлении легко идентифицировать других как «материалистов» или «идеалистов», «позитивистов» или «бихевиористов» и т.д.

Следует отметить, что как только эта «модель поведения» начинает рассматриваться через символическую оптику, то любое действие приобретает качественно иной статус — оно что-то *обозначает*, подобно изображению в компьютере, написанной строке или букве в письме, голосу в речи, цвету в живописи или звуку в музыке. Поэтому вопросы «субъективной» или «объективной» идентификации в этом контексте теряют смысл.

Несмотря на всю кажущуюся очевидность подобных выводов, основные «представления» о культуре, по мнению К. Гирца, вытекают из тех заблуждений, которые, во-первых, представляют ее как самодостаточную и автономную систему, то есть *овеществляют* ее. Во-вторых, рассматривают культуру как основу поведенческих реакций, то есть *редуцируют* культурное пространство. [2].

Итак, из вышеуказанных «заблуждений» вытекает искажение в более тонкой форме — принятие «ненасыщенного описания» («thin description») за «насыщенное описание» («thick description»). Удивительно, но это происходит тогда, когда знание о том, *как* надо действовать, становится равноценным знанию о самом действии.

Так, *представленный образ* в произведении живописи или *игра* на инструменте как *феномены культуры* не сводимы к навыкам, знанию, мастерству или к самим материальным объектам. Эти культурные феномены публичны, «потому что публичны коммуникация и значение» [2, С.19]. Нельзя совершить ограбление банка, не понимая, что *значат* само ограбление и спланированные схемы действий.

Следующая особенность заключается в том, что куль-

тура — это контекст, куда вплетены уникальные структурные элементы, образующие единую композицию для «насыщенного» понимания социальных связей и, говоря словами Л. Витгенштейна, «нащупыванием общей почвы» [2, С.20].

Интерпретация и репрезентация реальности: интерсубъективность и корреляции

Интерпретативные концепции тесно связаны с комплексом проблем репрезентации реальности.

Так называемый «внешний мир» – мир, существующий вне нас, – или «объективный мир», *в своем единстве* всегда будет *репрезентативным* на субъективном уровне. Однако, с другой стороны, кажущееся единство этого объективного мира на этом уровне распадается в силу возникающих разнообразных интерпретаций реальности.

В социальном мире репрезентативные функции четко «уложены» в дискурсы, где интерпретация реальности происходит через субъектное и институциональное распределение власти [4, 5]. Такая репрезентативная форма социального мира создает *привычные ориентиры* и *понятные* правила для одних, но одновременно оказывают давление на других, выдавливая последних на периферию «понятого» и «привычного» для других мира, где возникают отличные интерпретации реальности. Это и есть та точка напряжения, где появляются интерпретации, включающие различные репрезентационные функции как у одних, так и других.

Безусловно, эти процессы не носят однородный характер, поскольку гетерогенность интерпретации создает и условие для появления различных инстанций (дискурсов). Поэтому, когда говорят о различности инстанций (дискурсов), необходимо учитывать сам факт многоликости власти в социальном измерении.

При этом следует отметить, что Власть — это внешний или объективный мир по отношению к Дискурсу. Власть (объективное) и Дискурс (субъективное) — это коррелят, который создает *возможность* интерпретации.

Все это создает условие для постановки вопроса многими исследователями о кризисе репрезентации в различных профессиональной сфере. Так, известный исследователь, лингвист, профессор Базельского университета Л. Мондада, чьи работы посвящены вопросу о роли языковых средств и телесной воплощенности (embodiment) в организации интерсубъективности, подчеркивает, что проблема "кризиса репрезентации" привела к появлению радикально разных точек зрения на дискурс как таковой, его функции и способы легитимации (modes de validité) в профессиональной сфере. [6].

Она приводит аргумент относительно критики репрезентации, где выделяет деконтекстуализацию, к которой стремится научный дискурс, и который достигается через процесс помещения в локальный контекст. Отсюда и постановка под сомнение (*la mise en cause*) прозрачности научных текстов и их референциальной функции [6, 7].

Иной подход к проблеме кризиса репрезентации у французского философа К. Мейясу, который не делает акцент на различии между «объективной репрезентацией» и «субъективной» репрезентацией, а переводит это в различие между двумя типами субъективной репрезентации:

- a) универсализуемые репрезентации — научные, а потому могут быть любым подвергнуты экспериментальной проверке;
- b) не универсализуемы, а поэтому не входят в научный дискурс [8].

Таким образом, «*интерсубъективность*, то есть консенсус сообщества, призвана заменить собой соответствие между индивидуальной репрезентацией субъекта и самой вещью в качестве подлинного критерия объективности, и, в частности, научной объективности. Научной истиной теперь является не то, что сообразуется с «в-себе», предположительно безразличным к своей данности, а то, что может быть дано всему научному сообществу» [8, с. 11].

При этом сам процесс познания вещей подразумевает активное конструирование их репрезентаций, которые «впервые делают факт представленным определенным образом, хранят и предъявляют его в отсутствии референта» [9, с. 174]. Таким образом возникает «необходимость быть представленным». Эта «необходимость» «создается на основании формы, присутствующей до акта представления в познающих субъектах, создающих для себя картины фактов» [9, с. 174].

Совершенно справедливо, что репрезентации являются неким *отражением* объективного мира, но при этом часто не уделяется внимание *механизму* этого отражения — интерпретации.

Конечно, функциональность этого механизма зависит от разных контекстов — социальный или профессиональный, политический или экономический контексты. Тем не менее, именно интерпретация как механизм «включает» или «выключает» различные функции репрезентаций. Поэтому воспринимаемая, «привычная» репрезентативная реальность является результатом работы этого механизма.

Вместе с тем, следует отметить, что этот результат носит, конечно, контекстуальный характер, где происходит

субъективное фреймирование, профессиональная «обработка» с помощью «узкоспециализированных» механизмов воздействия на реальность контекста.

Таким образом, создается дискурсивная стабильность, при которой механизм интерпретации выступает балансирующим узлом между контекстуальной необходимостью и субъективным искажением реальности. Так, в социальном контексте эту роль выполняют институты, главная функция которых заключается в установлении и закреплении устоявшихся процессов.

Исходя из этого, совершенно очевидно, что «контекст» и «интерпретация» являются коррелятом. Корреляция этих концептов не вызывает сомнений, но при этом выявляет проблематику *межконтекстуальных интерпретаций*. В контексте современных социальных интеракций, которые сопровождаются различными техническими и технологическими операциями, подобного рода интерпретации стали «привычным» механизмом.

Вместе с тем социальная жизнь полна действий и публичных заявлений акторов, *описания* которых носят различный характер — *описание повседневности*, с ее обычными разговорами, электронными письмами; *описание профессиональной сферы* — журналистское отражение событий, составление протоколов полицейскими или *институциональные описания* роста преступности среди несовершеннолетних, опасности вождения в нетрезвом виде, снижение процента неуспеваемости в школах и т.д.

Конечно, эти описания можно интерпретировать по-разному — *реалистично*, потому что *описание* всегда создает референциальную иллюзию, но также и так, что, не избавившись от кризиса репрезентации, становится *трудно оценить* описание с точки зрения *соответствия реальности*, к которой она относится [6].

Таким образом, «описание» и «интерпретация» являются также коррелятом, при анализе которого необходимо учитывать тот факт, что для акторов, которые высказывают, слушают, комментируют, описания имеют разные «статусы» в зависимости от интерпретации — положительную, референциальную или объективную ценности, иногда относительную ценность.

Культурный «перевод» как «нащупывание общей почвы»: посредники и проводники

Когда ставится вопрос о международной циркуляции идей, то он, конечно, имеет в виду культурный «перевод» контекста, проблему его трансформации в совершенно иное качество. Конечно, эти «переводы» осуществляют разные акторы. Известный французский социолог Б. Латур выделил два типа акторов, осуществляющих такие

«переводы» - а) проводники (intermediary) и б) посредники (mediator) [10, 11].

Так, *посредники* переводят действия других, трансформируя, изменяя его. *Проводники* же переносят все, не изменяя ничего. Проводники как «черные ящики», «когда множество элементов действует как единое целое» [10]. Элементарный состав «черного ящика» не представляет интереса, пока он функционирует предсказуемо. Вы не имеете представления, из чего состоит ваш компьютер, и не имеете представление, на каких принципах он основан, но, когда он ломается, то есть становится *посредником*, вам приходится признать, что это сложный механизм.

Сложный механизм изначально содержит в себе множественность реализаций — это то, что Б. Латур называет «перформативным» определением реальности, которое отличается от «остенсивного» определения, где перевод осуществляется простым переносом «уже готового» [11].

Репрезентации также имеют остенсивные и перформативные элементы. При этом «перформативная» интерпретация контекста меняет репрезентированную реальность, тогда как «остенсивная» интерпретация оставляет ее в неизменном виде.

Поэтому, когда лингвистический текст (документ и пр.) попадает в поле перевода, у него появляется две перспективы – перформативная и остенсивная. Так, в первом случае, ты «ломаешь» словесную конструкцию и «проходишь» через культурные слои, дебри традиций и устоев, формируешь понятийный аппарат и переносишь слова со смыслами.

При остенсивной же перспективе происходит простой перенос языковой конструкции из «поля происхождения» в «поле рецепции» [1].

Однако одним из самых важных моментов при этом является то, что текст вне контекста своего производства представляют собой *иной* продукт, и это «усугубляется тем, что воспринимающая сторона, состоящая в свою очередь в другом поле производства, дает им иную интерпретацию, зависящую от воспринимающего поля» [1, с. 542].

Заметим, что при контекстуальном переносе реальности роли проводника и посредника взаимозаменяемы. Так, в процессе переноса из «поля происхождения» в «поле рецепции» ты становишься проводником и можешь остаться таковым, но если ты пытаешься изменить адаптивные механизмы для изменения существующей в

поле рецепции реальности, то ты становишься посредником.

В целом механизм взаимозаменяемости понятен, но сам процесс *перехода* от одной роли актора к другой мало изучен. Сам *переход* может и не состояться, поскольку привычное понимание репрезентаций создает эти так называемые «черные ящики», которые как бы неоспоримы в восприятии. Конечно, это не стереотипы, о которых сразу можно подумать, а привычные для человека маршруты его карты повседневности, для изменения которых необходим технически оснащенный навигатор.

Выводы

Итак, проведенный анализ вполне убедительно показал, что проблема интерпретации многогранна и тесно связана с пониманием особенностей культурной идентичности.

Понимание культуры как контекста, куда вплетены уникальные структурные элементы, придает «насыщенность» описанию социальных связей, а интерпретация выступает как сложный механизм репрезентации или отражения социального восприятия мира. Функциональность этого важного механизма зависит от разных контекстов — социального или профессионального, политического или экономического. Интерпретация как механизм «включает» или «выключает» различные функции репрезентаций. Поэтому воспринимаемая репрезентативная реальность является результатом работы этого механизма. Таким образом создается дискурсивная стабильность, при которой механизм интерпретации балансирует между контекстуальной необходимостью и субъективным искажением реальности.

Очевидно, что традиционное понимание конструирования реальности актерами совершенно недостаточно для понимания феномена *межконтекстуальных интерпретаций* в репрезентациях, поскольку в технологически развитых обществах появляется феномен дополнительной реальности, искусственного интеллекта. Безусловно, это важно не только с точки зрения технологических или технических вопросов, но и этических.

Следует особо отметить, что результатом исследования является и то, что определен новый методологический подход к проблеме интерпретации. Отношение к объекту интерпретации основывается не на различии «субъективного» и «объективного», а исходит из различия разных типов субъективности. При такой исследовательской оптике субъективность получает интересующий статус консенсуса в сообществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2014. - 576 с.
2. Гирц К. Интерпретация культур/Пер. с англ. - М.: РОССПЭН, 2004. - 560 с.
3. Hirsch, E.D. Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. Houghton Mifflin Company. Boston, 1987.
4. Foucault, M. L'Ordre du discours. Leçon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 décembre 1970. — Paris: Gallimard, 1971. - 88 p.
5. Марков Б.В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации. — СПб.: Наука, 2011. — 667 с. — (Сер. «Слово о сущем»). С.65-70.
6. Mondada L. Décrire la Ville. La construction des savoirs urbains dans l'interaction et dans le texte. Antropos. Diffusion: Economica, 49, rue Héricart — 75015, Paris. Collection VILLES dirigée par Denise Pumain. 2000.
7. Чигарев В.Н., Гусева Р.Г. Кризис репрезентации: интерпретации vs контекст. Мир науки, культуры, образования. No 3 (100) 2023: С.426-428.
8. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности / пер. с фр. Л. Медведевой, науч. ред. П. Хановой. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015.
9. Куприянов В.А., Шиповалова Л.В. Кризис репрезентации. Как возможен успешный исход? Случай наукометрии. Эпистемология и философия науки 2017: 51(1).
10. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества/пер. с англ. К. Федоровой — Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
11. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию [Текст]/пер. С англ. И.Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 384 с.
12. Ryle G. The Thinking of thoughts: What is «le penseur» doing? University lectures. University of Saskatchewan. 1968; (18). URL: <https://cesarsalgado.wordpress.com/2007/08/02/gilbert-ryle/>

© Чигарев Валентин Николаевич (valentinchigarev@gmail.com), Гусева Раиса Григорьевна (RGGuseva@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»